

УДК 316.2, 323.2

В ПОИСКАХ СОЛИДАРНОСТИ. ОБЩЕСТВЕННОЕ УЧАСТИЕ В ЗЕРКАЛЕ ТЕОРИИ СОЦИАЛЬНОГО КАПИТАЛА

И.А. Скалабан

Новосибирский государственный технический университет
E-mail: skalaban@ngs.ru

Общественное участие как набор институционально устойчивых механизмов социального развития претерпевает сегодня существенные изменения. В статье оцениваются перспективы анализа данного явления через призму теории социального капитала. Рассматриваются особенности интерпретации участия, выделяются значимые переменные. Показывается относительная зависимость качества накопленного социального капитала от характера общественного участия. Отмечается, что готовность и способность к участию, а также наличие в социальной среде возможности общественного участия могут рассматриваться как социальный капитал, который может быть накоплен или растрочен.

Ключевые слова: общественное участие, гражданское участие, социальное участие, социальный капитал, доверие, общественная мобилизация, сообщество.

IN SEARCH OF SOLIDARITY. PUBLIC PARTICIPATION IN THE MIRROR OF THE THEORY OF THE SOCIAL CAPITAL

I.A. Skalaban

Novosibirsk State Technical University
E-mail: skalaban@ngs.ru

Public participation as a set of institutional mechanisms for sustainable social development today is undergoing significant changes. The article estimates the prospective analysis of this phenomenon through the prism of the theory of social capital. The article analyses the features of participation interpretations, emphasizes significant variables. It shows the relative dependence of the quality of social capital on the nature of public participation. It is noted that the very willingness and ability to participate, and the presence in the social media opportunities for public participation, can be considered as social capital. It can be accumulated or run away.

Key words: public participation, civic participation, social participation, social capital, trust, social mobilization, community.

События последнего десятилетия наглядно демонстрируют рост новых преимущественно сетевых форм общественной активности в он-лайн и оф-лайн среде. Они затрагивают различные сферы общественных отношений от политики и экологии до коммунального хозяйства, социальной помощи и межэтнических отношений. Если 1990-е гг. за счет глобального увеличения организаций третьего сектора были названы периодом «глобальной революции ассоциаций» [7, 32, с. 19], то начало нового тысячелетия стало, по сути, «революцией общественного участия». Благодаря новым возможностям коммуникации, на наших глазах возникают новые конфигурации структур общественности, способные к стремительной социальной, политической, религиозной и прочей мобилизации сообществ места

и сообществ интересов. Примечательно, что эти процессы наблюдаются не только в западных странах, традиционно связываемых в общественном сознании с ценностями гражданской солидарности, но и арабских странах, странах Юго-Восточной Азии и т.д.

В этой ситуации становится все более очевидным, что институциональные механизмы социального и гражданского участия, основанные преимущественно на традиционных организационных структурах третьего сектора [6], вне зависимости от социокультурных и политических характеристик той или иной страны, не в состоянии самостоятельно обеспечить ответ на современный общественный запрос на участие. Они, либо все больше сражаясь с властными структурами, уступают место неформальным и слабо формализованным сообществам, построенным по сетевому принципу, либо стремятся к интеграции с ними.

Данные процессы требуют осмысления. Явная «негражданскость» части практик участия, многообразие сфер участия, освоение пространства, расположенного скорее на границе и даже несколько за границами пространства, традиционно интерпретируемого как общественное, в сфере частного (соседские, дружеские отношения), ставят под сомнение возможности теории гражданского общества для интерпретации данных процессов или вовлекают в многолетний спор о его границах и качественных характеристиках. Кроме того, определенная «сцепленность» теории гражданского общества с теориями демократии, несколько упрощает понимание текущих процессов, поскольку имманентно предполагает преимущественную оценку общественного участия по шкалам гражданское – негражданское, демократическое – недемократическое, отводя на второй план процессы идентичности, группо- и нормообразования, влияния социокультурного и социально-территориального факторов.

В определенной степени такая предельность прочтения общественно-го участия, ставшая предметом дискуссий в западной социологии с начала 2000-х [16, 22, 23, 28] свидетельствует о нарастающем кризисе в его развитии и осмыслении. Это ставит исследователей перед необходимостью расширения спектра теоретических подходов и инструментов диагностики и анализа данного явления. Не случайно последние десятилетия характеризуются попытками его осмысления через различные теоретико-методологические подходы. Среди них коммунитаристский подход и мобилизационные концепции А. Этциони, социально конструкционистский подход П. Бергера и Т. Лукмана, структуралистский конструктивизм П. Бурдьё, культуральная социология Дж. Александера, теория коллективных действий П. Штомпки, неоинституционализм и пр. [1, 9, 14, 18].

Но, пожалуй, наиболее «крайними» проявлениями попыток осмысления сущности общественного участия стали два: радикалистский подход пост-структуралистов, последователей М. Фуко, сосредоточившихся на политическом контексте участия, и связанными с ним проблемами управления и контроля и либеральный подход сторонников теории социального капитала, сосредоточившихся преимущественно на социальном контексте участия, и связанными с ними проблемами солидарности и связей.

Примечательно, что в отношении анализа общественного участия ни тот, ни другой подходы в российской исследовательской литературе ши-

роко не представлены. Но, если «гражданский» контекст, хотя часто и вне постановки проблем обладания, контроля и доступа к власти, все же присутствует в литературе, то социальный контекст, и собственно сам термин «социальное участие», возвратившийся в западную социологическую литературу в 2000-х из 1950-х, оказался вытеснен многообразными, но преимущественно описательными проектами исследования добровольчества и социального активизма. Не случайно и сам термин социальное участие в нашей литературе используется редко, преимущественно в контексте решения экологических или педагогических задач.

Представляется, что определенным потенциалом в преодолении дисбаланса «гражданское–социальное» в изучении общественного участия обладают теории социального капитала. Не претендуя на универсальность в качестве методологического инструментария для осмысления данного явления, они расширяют проблемное поле исследования, включая в него источники общественной активности уровня взаимодействий отдельных индивидов и слабо структурированных микрогрупп, дружеских кругов, соседских отношений, т.е. выводят проблематику на тот уровень, где осуществляется мобилизация в организованные общественные структуры.

Несмотря на то, что теоретические основания самой идеи социального капитала сложились раньше, определенным потенциалом для понимания феномена участия стала концепция социального капитала П. Бурдье. Впервые сформулированное им еще в 1983 г. понятие «социальный капитал» включало неперенный момент участия как в прочных сетевых, так и более-менее институционализированных отношениях, основанных на взаимных обязательствах. В интерпретации П. Бурдье участие, осуществляемое преимущественно через членство в группе, становится базисом для формирования солидарности и способом агрегации ресурсов, иначе социального капитала [14, с. 248–249].

В 1990-е социальный капитал стал объектом исследования Дж. Коулмена, Г. Беккера, Ф. Фукуямы и др., но для раскрытия сущности и потенциала общественного участия наиболее перспективной стала концепция Р. Патнэма [30, 31]. В ней наиболее всесторонне раскрывается значение социального капитала для эффективного функционирования сообществ, в то время как поход, к примеру, Дж. Коулмена скорее был направлен на анализ перспектив социального капитала в контексте поддержания связей и отношений для достижения индивидуальных преимуществ, сохранения и достижения привилегированного социального положения, что, впрочем, также допускало некоторое внимание к общественному участию как инструменту его достижения.

Весомым толчком и одновременно свидетельством актуальности концепции, ее перспектив для оценки социального потенциала сообществ и объединений, для достижения проектных задач стал интерес к ней Всемирного банка. По мнению Дж. Харрисса, он определялся социальным «деполитизированным» подходом к развитию, который содержался в ее основе [21] и вполне вписывался в политику активизации местных сообществ как субъектов социального развития, продвигаемую банком в это время. Само рабочее определение социального капитала, сформулированное под влиянием работ Р. Патнэма и используемое в его проектах, содержит присущие

его подходу «деятельностные» характеристики. Социальный капитал – это «нормы и общественные отношения, встроенные в социальные структуры общества, которые дают возможность людям координировать действия для достижения желаемых целей» [27]. Это «клей», который соединяет общества, входя в состав социальных сетей и институтов, социальных норм (например, сотрудничества), социальных ценностей или других качеств (особенно доверия) [26, с. 101]. Не случайно в 1996 г. по инициативе Всемирного банка и под влиянием идеи Р. Патнэма о важности на микроуровне работы с общественными объединениями для создания социального капитала начались его масштабные исследования.

Но если обратиться к сути концепции в том виде, в котором она оказалась наиболее востребованной специалистами по участию, то ее можно сформулировать следующим образом: люди обладают социальным капиталом в случае, если имеют много социальных связей и склонны доверять друг другу, совместно работать вместе для решения общих проблем. Наличие социального капитала содействует успешности индивида и развитию общества.

На первый взгляд связь между участием и социальным капиталом в этом контексте очевидна: участие – инструмент и механизм формирования связей, общих норм между людьми, т.е. механизм аккумуляции социального капитала. Социальные связи и отношения, приносящие выгоду, являются результатом участия индивидов и, в свою очередь, будучи ресурсом, участие стимулируют. Оно позволяет выйти за рамки близкого и знакомого в незнакомую среду и участвовать в совместной деятельности. Участие в деятельности как освоение незнакомого пространства в свою очередь порождает доверие и т.д.

Но зависимость социального капитала и общественного участия не является безусловной. Как заметили Л. Хаусшилдт и З. Либак, участие может легко быть осуществлено без каких-либо сознательных попыток создать социальный капитал, но работа с социальным капиталом, безусловно, влечет за собой участие [22, с. 6]. Кроме того, участие это не только деятельностное проявление социального капитала. Их зависимость более глубокая и носит двунаправленный характер. Потенциал участия, способность к участию само по себе может быть социальным капиталом. В этом случае он может рассматриваться как накопленный внешний эффект участия в жизни общества [13], а «инвестиции» в социальный капитал принимают со временем форму инвестиций в социальную деятельность, в том числе и в участие. При этом инвестирование должно обеспечить как готовность и способность к участию, т.е. саму общественную активность, так и, что особенно важно, возможность участия.

Основной средой и ресурсом, который является источником возникновения и легитимации институциональных структур, обеспечивающих накопление социального капитала, является то, что Р. Патнэм называет «гражданской общностью», а Ф. Фукуяма «спонтанной социализированностью». Эти термины во многом похожи и обозначают многочисленные промежуточные сообщества, которые отличаются как от родственных, так и от создаваемых целенаправленными государственными усилиями [8, с. 54]. Их возникновение является результатом склонности людей к участию во

внеродственных объединениях, к примеру, в различных видах социального активизма, благотворительных ассоциациях, спортивных клубах, творческих коллективах, общественных движениях, общественных организациях, профсоюзах и т. п. В основе склонности к участию, по мнению Ф. Фукуямы, лежит склонность к социализированности, а по мнению, к примеру, А. Корнвел, потребность в участии, свойственная человеку [17]. Склонность к участию усваивается куда труднее, чем другие формы человеческого капитала, и требует для успешного усвоения целого ряда условий, к примеру, наличия смысла в участии, объединении и взаимодействии [5, с. 114]. Вместе с тем поскольку в ее основе лежит этический навык, она также труднее поддается изменению или уничтожению, но став социальным капиталом может быть растратчена. В неформальной сфере это будет проявляться через сокращение участия в различных соседских, дружеских группах и социальных связях, понижении уровня доверия. В сфере формализованных отношений будет проявляться через сокращение членства в общественных объединениях различного типа.

Но, пожалуй, наиболее полезным типом общественного капитала, по мнению Р. Патнэма, является не способность успешно участвовать в том или ином устоявшемся сообществе или коллективе, а способность создавать или участвовать в создании новых объединений и новых рамок взаимодействия.

Остановимся подробнее на переменных, которые, с точки зрения исследователей, влияют на готовность и способность к участию и накоплению социального капитала.

Важнейшим стимулом и одновременно плодом общественного участия является доверие. Как заметил Ф. Фукуяма, если в обществе ослаблено его воспроизводство, то тогда инициативу по содействию в образовании сообществ, или вовлечению в уже существующие, пробует взять на себя государство, принимая на себя роль отсутствующей спонтанной социализированности. В этом случае возрастает риск разрыва внутренних связей гражданского общества [8, с. 94], дифференциации общественных структур по доступу к власти, делегирования населением ответственности властным структурам, а также ослабления общественного участия, либо его имитации, к примеру, через ритуализацию или определенный общественный «ретритизм».

Еще одной из значимых переменных, с точки зрения Ф. Фукуямы, Р. Патнэма, является набор этических норм, стандартов поведения, на которые члены сообщества могут полагаться. Чем более жесткими являются нормы, чем строже стандарты поведения и ограничения в участии или неучастии, тем сильнее солидарность и связи внутри сообщества, тем слабее связи с внешним миром и затруднительнее участие вне его. Это может подкрепляться религией, традицией, обычаем, теми культурными механизмами, которые определяют характер и правила внутреннего участия, делая его одновременно привлекательным и относительно неизбежным.

В совокупности доверие и внутренние нормы существенно влияют на еще одну переменную, определяющую характер накопления социального капитала – идентичность. В литературе ее часто связывают с готовностью к участию, но связь между двумя этими переменными не всегда прямая.

Часто она может требовать наличия третьего – уже накопленного социального капитала. Это происходит потому, что члены одного социально-территориального сообщества, живущие в одном пространстве, не всегда имеют социально общие представления об участии и готовность делиться социальным капиталом. Но если присутствуют другие переменные, в частности, общие нормы, то модели поведения участвующих становятся предсказуемыми, формируется та идентичность, которая усиливает доверие, увеличивает социальный капитал [20]. Не менее значимой переменной выступает информированность о сообществе, наличие знаний о характере общественных отношений, которые также рассматриваются сегодня как часть социального капитала, особенно в контексте формирования социальной политики и принятия значимых решений [34].

Таким образом, участие, основанное на институционально устойчивых нормах и осведомленности, содействует формированию идентичности и не только содействует накоплению нового социального капитала, но служит механизмом сохранения капитала накопленного.

При этом важно помнить, что социальный капитал не несет в себе исключительно позитивные коннотации. Накопленный в процессе участия, он наряду со сплоченностью может способствовать скрытому перераспределению благ, социальному исключению и расколу. Поэтому применение целенаправленных стратегий по накоплению социального капитала всегда содержит риск создания общественных структур или организаций, недостаточно ориентированных на вовлечение и достижение декларируемых общественно значимых целей. Есть опасность, что выстраиваемые вокруг них социальные связи и отношения, т.е. накопленный социальный капитал, будут использоваться как транспортные средства для обеспечения партикуляристской выгоды одних за счет других.

Здесь важен анализ характера участия. Еще в 1993 г. Р. Патнэм, исследуя характер отношений на юге Италии, отметил, что участие в сообществах, построенных на неродственных отношениях, может воспроизводиться через имитацию семейных отношений, как это происходит в сицилийских мафиозных кланах. Такие же процессы, с его точки зрения, могут протекать в коррумпированных системах, закрытых для проникновения группами элит, находящихся или стремящихся к власти через создание прочной групповой лояльности.

Опыт исследования сельских сообществ в Сибири автором статьи показал, что в ситуации ограничения и передела ресурсов, растраты значительной части социального капитала сообщества могут сегментироваться в относительно закрытые группы «своих» по границам родственных и дружеских связей с ограниченным доступом участия, социальные связи приобретают большую жесткость и консервативность. Даже среди активных жителей наблюдается сокращение социальных связей и уход человека из публичного в личное пространство, ограничения стабильных социальных сетей работой, семьей и близкими родственниками. Причем сам факт участия в жизни сообщества, проживания на территории, в социальный капитал может не конвертироваться. Выпускник вуза, приезжающий обратно в свой поселок, автоматически к участию в иерархизированных сообществах не допускается. Ресурс доверия резко сокращается за пределами родствен-

ных связей и одновременно носит выраженный поколенческий характер. При этом корреляция между готовностью к участию и уровнем доверия является только относительной. Так, если представители старшей возрастной группы по результатам исследования демонстрируют более высокий уровень доверия местным органам власти, но при этом более низкий уровень готовности к участию в ее проектах, то молодежь, наоборот, более низкий уровень доверия, но более высокую готовность к участию в развитии общества, в том числе и в сотрудничестве с властью.

Определенный толчок для понимания сущности данных процессов дает идея Р. Патнем о двух видах связей, которые могут формироваться в процессе участия: склеивание и сопряжение. Склеивание направлено внутрь группы и является эксклюзивным по отношению к другим группам, влияя скорее на создание закрытого социального капитала, что преимущественно и наблюдается в «депрессивных» или «ригидных» сообществах, в то время как сопряжение ориентировано на включение во внешний мир и влияет на накопление открытого социального капитала. В отличие от сопряжения, являющегося предпосылкой участия в широких общественных коалициях, склеивание строится на сильном межличностном доверии и внутреннем активном участии, направленном на поддержание идентичности. Это обеспечивает получение преимуществ, связанных с получением коллективных благ, которые могут получаться в том числе и за счет более широкого общества или общества, если группа имеет доступ к использованию общественных благ.

Но перспективы накопления социального капитала в процессе участия зависят не только от характера отношений в сообществе, но и характеристик конкретных его членов. В частности они непосредственно связаны с человеческим капиталом, качество которого влияет на количественные и качественные параметры накопления социального капитала. Среди прочих индивидуальных характеристик можно выделить и личностную, представляющую собой психологические и социальные характеристики личности, которые в совокупности определяют склонность и готовность индивида к участию. В свою очередь, по мнению Л. Платт, отсутствие возможности для общения, поддержания социальных связей, участия в группах можно рассматривать как одну из форм лишения [29].

Подобная постановка вопроса широко представлена в исследовательских, особенно британских, кругах, изучающих проблемы социальной изоляции, депривации и преодоления бедности. Не случайно современные исследователи связывают доступ к участию, возможность накопления социального капитала со степенью неоднородности общества. Неравенство в доходах, этническая и расовая сегментация [10], низкий социальный статус, плохое здоровье, ограниченные временные ресурсы и часто сопровождающая все эти характеристики репутация ненадежности приводят к тому, что беднейшие просто исключаются из участия в ассоциативной жизни и полезных коллективных договоренностей [15]. Поэтому сегодня при разработке социальной политики на уровне сообществ британские политики и специалисты по развитию сообществ исходят из важности содействия в формировании социального капитала. Для этого отдельно разрабатываются меры по повышению уровня социальных контактов, уровню участия для

усиления сообщества. Социальное участие рассматривается как механизм вовлечения в социальные отношения, их нормализации в отношении традиционных маргинальных групп: мигрантов, инвалидов, трудных подростков и пр. [11]. В свою очередь, потеря социальных сетей, сокращение участия рассматривается как показатель социальной изоляции [12] и ослабления сообщества.

Использование социального капитала и общественного участия как компонентов социальной политики выводит на первый план проблему их измерения и оценки. Не будем останавливаться на существующих подходах и методиках оценки социального капитала, этому посвящено значительное количество работ. Оставим за скобками и измерение социального капитала для получения экономических результатов. Выделим лишь место участия в этой оценке.

Рассматривая совокупность показателей участия как признак и характеристику социального капитала, разработчики опираются на Р. Патнема, который утверждал, что участие в социальных группах может привести к передаче знаний и может увеличить совокупный человеческий капитал и рост доверия [12].

Сегодня для оценки используются социологические опросы, данные экспериментов и статистики, в том числе об участии в выборах, донорской активности и т.д. Участие рассматривается как значимый показатель социального капитала и фигурирует в том или ином виде среди «проксимальных» индикаторов [4, с. 145], показывающих влияние социального капитала на различные стороны жизни людей (участие в объединениях, деятельности и пр.). Присутствует оно и в виде членства в объединениях различного типа при расчетах индекса развития гражданского общества.

Тенденция последнего времени – усиление гражданского дискурса изучения социального капитала, при его моделировании и оценке [2]. Но если в 1990-х он скорее терялся среди дискурсов социальных: бедности, социального развития, социального исключения, то в последние годы стал усиливаться и политизироваться.

Еще в 1990-е гг. при исследованиях социального капитала уделялось внимание исследованию гражданской культуры, гражданского действия и участия, которые рассматривались как социально-культурный «клей», обеспечивающий вовлечение гражданского общества во взаимодействие с государством. В качестве его организационной основы рассматривались общественные объединения, через которые люди могут влиять на политику, осуществлять гражданский контроль за деятельностью государственных структур. Так, Р. Патнэм рассматривал политическую активность как механизм аккумуляции социального капитала. Эту мысль разделял и Ф. Фукуяма, утверждавший, что политическая активность положительно коррелируется с доверием и, в свою очередь, доверие положительно коррелируется с активностью в сообществах.

Но вопрос: в какой степени данная концепция способна позволить осмыслить вопросы власти и политического участия, до сих пор является предметом дискуссий [19, с. 90]. К примеру, по мнению С. Хики и Г. Мохана, потенциал концепции для исследования политического и гражданского участия крайне ограничен, поскольку социальный капитал и, в частности,

ассоциативная активность, является важным, но недостаточным условием для влияния на политические режимы. Дж. Патзел утверждает, что процессы ассоциирования, сами по себе не гарантируют демократического содержания, это дань радикальной политической идеологии [32, с. 941–942]. Подтверждают эту позицию и исследования М. Оркин, которые продемонстрировали, что демократические значения, скорее всего, сохраняются в пределах группы, объединяющейся вокруг радикального политического проекта, чем вокруг пересечения собственных интересов.

Наконец, по мнению выше указанных исследователей, концепция социального капитала не видит роли политических действий и государства в определении демократических перспектив. Даже на местном уровне, чтобы произошли реальные преобразования, необходима организованная политическая сила, чаще всего «сильное» местное руководство, способное получить доступ к процессу принятия решений и иметь возможность влиять на распределение ресурсов, в противном случае не удастся контролировать результат [24, с. 261–262].

Но не все исследователи разделяют данную точку зрения. Высказывается мнение, что государство может выступать источником формирования социального капитала [25], как, впрочем, он может генерироваться и против государства, через политические и социальные движения, политические партии. Здесь также велика роль организованной политической силы.

Подводя итоги, можно отметить, что концепция социального капитала, очевидно имеет перспективы для анализа процессов участия, особенно его социального вектора – социального участия, а также тесно связанных с ним переменных, таких как доверие и социальная идентичность. Более того, ее применение для понимания процессов общественного участия в сообществах делают его более многомерным, вскрывая противоречивость и неоднозначность процессов общественного участия, которые не всегда просматриваются через призму теории гражданского общества. Но часть ее позиций остается предметом дискуссий и требует дальнейшего исследования, особенно в контексте изучения процессов гражданского и политического характера.

Литература

1. *Александр Дж.* Культурная травма и коллективная идентичность // Социологический журнал. 2012. № 3. С. 5–40.
2. *Вавилина Н.Д.* Социальный портрет регионов Сибири // Регион: Экономика и социология. 2012. № 3. С. 90–93.
3. *Градосельская Г.В.* Сетевые измерения в социологии: учеб. пособие / под ред. Г.С. Батыгина. М.: Изд. дом «Новый учебник», 2004. 248 с.
4. *Нилов В.* Методы измерения социального капитала и их использование в научных исследованиях // Сборник материалов Пятой школы молодых ученых «Социальная инноватика в региональном развитии». Петрозаводск: Изд-во Карел. науч. центра РАН, 2009. С. 141–149.
5. *Осьмук Л.А.* Эвристический потенциал интерпретативных теорий социальной интеграции // Идеи и идеалы. 2012. Т. 1, № 3. С. 111–118.
6. *Осьмук Л.А., Лебедева И.С., Скалабан И.А.* Межсекторное социальное партнерство: развитие региональных моделей: монография. Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2014. 168 с.

7. Саламон Л.М. Организационная революция // Курьер ЮНЕСКО. 2001. № 6. С. 44–45.
8. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию / пер. с англ. М.: ООО «Издательство АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. 730 с.
9. Штомпка П. Социология. Анализ современного общества. М., 2005.
10. Alesina A., La Ferrara E. Participation in Heterogeneous Communities. The Quarterly Journal of Economics. Vol. 115, № 3 (Aug., 2000). P. 847–904.
11. Alcock P. Participation or pathology: contradictory tensions in area-based policy, Social Policy and Society. 2004. 3(2). P. 87–96 .
12. Aldridge S., Halpern D., Fitzpatrick S. Social Capital: A discussion paper. 2002. L.: UK: Performance and Innovation Unit.
13. Angelo A., Pier L., Sacco V. Social Capital Accumulation and the Evolution of Social Partecipaton. Working Paper № 5. December 2004.
14. Bourdieu P. The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N. Y., 1985.
15. Cleaver, F. 'Paradoxes of Participation: Questioning Participatory Approaches to Development', Journal of International Development, 1999. Vol. 11. P. 597–612.
16. Cooke B., Kothari U. (eds). Participation: the new tyranny? L.: Zed Books, 2001.
17. Cornwall A. Participation in Development: Tracks and Traces. Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences. August 2002. P. 4–9.
18. Etzioni A. Mobilization as a Macrosociological Conception. The British Journal of Sociology. Vol. 19, № 3 (Sep., 1968). P. 243–253.
19. Francis P. 'Social capital, civil society and social exclusion'. In Kothari and Minogue (eds.) Development theory and practice: critical perspectives. L.: Palgrave, 2001. P. 71–91.
20. Guareschi P.A., Jovchelovitch S. Participation, health and the development of community resources in Southern Brazil. Journal of Health Psychology. 2004. Vol. 9. P. 28.
21. Harriss J. Depoliticizing Development: The World Bank and Social Capital. 2001. New Delhi: Leftword.
22. Hauschildt L.S., Lybaek R. The «Tyranny» of participation. A discussion of participatory and social capital approaches to development. Exam paper, Approaches to Development, Spring 2006.
23. Hickey S., Mohan G. (eds.) Participation: From Tyranny to Transformation? Exploring New Approaches to Participation. L.: Zed Books, 2004.
24. Hickey S., Mohan G. Relocating participation within a radical politics of development // Development and Change. 2005. Vol. 36(2). P. 237–262.
25. Joshi A., Moore M. 'The Mobilizing Potential of Anti-Poverty Programmers', IDS Discussion Paper, 374. 2000. Brighton: IDS.
26. Mignone J. Social Capital and Aboriginal Communities: A critical assessment Synthesis and assessment of the body of knowledge on social capital with emphasis on Aboriginal communities // Journal of Aboriginal Health. 2009. November.
27. Narayan D. Bonds and bridges: Social capital and poverty. 1999. Washington, DC: The World Bank.
28. Penderis Sh. Theorizing participation: from tyranny to emancipation. Journal of African and Asian Local Government Studies. Vol. 1(3). P. 1–28.
29. Platt L. Social Participation: How does it vary with illness, caring and ethnic group? ISER Working Paper 2006-18. Colchester: University of Essex.
30. Putnam R. Making Democracy Work: civic traditions in modern Italy. 1993. Princeton, NJ: Princeton University Press.
31. Putnam R. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community New York: Simon & Schuster, 2000.
32. Putzel J. Accounting for the 'dark side' of social capital: reading Robert Putnam on democracy. Journal of International Development. 1997. Vol. 9 (7). P. 939–949.

33. *Salamon L., Anheier H., List R., Toepler S., Sokolowski S.* Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector. Baltimore, MD: Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. 1999.
34. *Schuller T., Baron S., Field J.* Social Capital: a review and critique. Social Capital: critical perspectives. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1–38.
35. *Svendsen G.L.H., G.T. Svendsen.* The Creation and Destruction of Social Capital: Entrepreneurship, Co-operative Movements and Institutions. 2004. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, USA.

Bibliography

1. *Aleksander Dzh.* Kul'turnaja travma i kollektivnaja identichnost' // Sociologicheskij zhurnal. 2012. № 3. P. 5–40.
2. *Vavilina N.D.* Social'nyj portret regionov Sibiri // Region: Jekonomika i sociologija. 2012. № 3. P. 90–93.
3. *Gradosel'skaja G.V.* Setevye izmerenija v sociologii: ucheb. posobie / pod red. G.S. Batygina. M.: Izd. dom «Novyj uchebnik», 2004. 248 p.
4. *Nilov V.* Metody izmerenija social'nogo kapitala i ih ispol'zovanie v nauchnyh issledovanijah // Sbornik materialov Pjatoj shkoly molodyh uchenyh «Social'naja innovatika v regional'nom razvitii». Petrozavodsk: Izd-vo Karel. nauch. centra RAN, 2009. P. 141–149.
5. *Os'muk L.A.* Jevrysticheskiy potencial interpretativnyh teorij social'noj integracii // Idei i idealy. 2012. T. 1, № 3. P. 111–118.
6. *Os'muk L.A., Lebedeva I.S., Skalaban I.A.* Mezhsektornoe social'noe partnerstvo: razvitie regional'nyh modelej: monografija. Novosibirsk: Izd-vo NGTU, 2014. 168 p.
7. *Salamon L.M.* Organizacionnaja revoljucija // Kur'er JuNESKO. 2001. № 6. P. 44–45.
8. *Fukujama F.* Doverie: social'nye dobrodeteli i put' k procvetanju / per. s angl. M.: OOO «Izdatel'stvo ACT»: ZAO NPP «Ermak», 2004. 730 p.
9. *Shtompka P.* Sociologija. Analiz sovremennogo obshhestva. M., 2005.
10. *Alesina A., La Ferrara E.* Participation in Heterogeneous Communities. The Quarterly Journal of Economics. Vol. 115, № 3 (Aug., 2000). P. 847–904.
11. *Alcock P.* Participation or pathology: contradictory tensions in area-based policy, Social Policy and Society. 2004. 3(2). P. 87–96 .
12. *Aldridge S., Halpern D., Fitzpatrick S.* Social Capital: A discussion paper. 2002. L.: UK: Performance and Innovation Unit.
13. *Angelo A., Pier L., Sacco V.* Social Capital Accumulation and the Evolution of Social Participaton. Working Paper № 5. December 2004.
14. *Bourdieu P.* The Forms of Capital, in John Richardson, ed., Handbook of Theory and Research for the Sociology of Education. N. Y., 1985.
15. *Cleaver, F.* 'Paradoxes of Participation: Questioning Participatory Approaches to Development', Journal of International Development, 1999. Vol. 11. P. 597–612.
16. *Cooke B., Kothari U. (eds).* Participation: the new tyranny? L.: Zed Books, 2001.
17. *Cornwall A.* Participation in Development: Tracks and Traces. Current issues in international rural development published by the Swedish university of agricultural sciences. August 2002. P. 4–9.
18. *Etzioni A.* Mobilization as a Macrosociological Conception. The British Journal of Sociology. Vol. 19, № 3 (Sep., 1968). P. 243–253.
19. *Francis P.* 'Social capital, civil society and social exclusion'. In Kothari and Minogue (eds.) Development theory and practice: critical perspectives. L.: Palgrave, 2001. P. 71–91.
20. *Guareschi P.A., Jovchelovitch S.* Participation, health and the development of community resources in Southern Brazil. Journal of Health Psychology. 2004. Vol. 9. P. 28.
21. *Harriss J.* Depoliticizing Development: The World Bank and Social Capital. 2001. New Delhi: Leftword.

22. *Hauschildt L.S., Lybaek R.* The «Tyranny» of participation. A discussion of participatory and social capital approaches to development. Exam paper, Approaches to Development, Spring 2006.
23. *Hickey S., Mohan G. (eds.)* Participation: From Tyranny to Transformation? Exploring New Approaches to Participation. L.: Zed Books, 2004.
24. *Hickey S., Mohan G.* Relocating participation within a radical politics of development // *Development and Change*. 2005. Vol. 36(2). P. 237–262.
25. *Joshi A., Moore M.* 'The Mobilizing Potential of Anti-Poverty Programmers', IDS Discussion Paper, 374. 2000. Brighton: IDS.
26. *Mignone J.* Social Capital and Aboriginal Communities: A critical assessment Synthesis and assessment of the body of knowledge on social capital with emphasis on Aboriginal communities // *Journal of Aboriginal Health*. 2009. November.
27. *Narayan D.* Bonds and bridges: Social capital and poverty. 1999. Washington, DC: The World Bank.
28. *Penderis Sh.* Theorizing participation: from tyranny to emancipation. *Journal of African and Asian Local Government Studies*. Vol. 1(3). P. 1–28.
29. *Platt L.* Social Participation: How does it vary with illness, caring and ethnic group? ISER Working Paper 2006-18. Colchester: University of Essex.
30. *Putnam R.* Making Democracy Work: civic traditions in modern Italy. 1993. Princeton, NJ: Princeton University Press.
31. *Putnam R.* Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community New York: Simon & Schuster, 2000.
32. *Putzel J.* 'Accounting for the 'dark side' of social capital: reading Robert Putnam on democracy'. *Journal of International Development*. 1997. Vol. 9 (7). P. 939–949.
33. *Salamon L., Anheier H., List R., Toepler S., Sokolowski S.* Global Civil Society: Dimensions of the Nonprofit Sector. Baltimore, MD: Johns Hopkins Comparative Nonprofit Sector Project. 1999.
34. *Schuller T., Baron S., Field J.* Social Capital: a review and critique. *Social Capital: critical perspectives*. Oxford: Oxford University Press, 2000. P. 1–38.
35. *Svendsen G.L.H., G.T. Svendsen.* The Creation and Destruction of Social Capital: Entrepreneurship, Co-operative Movements and Institutions. 2004. Edward Elgar, Cheltenham, UK, Northampton, USA.